

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Насколько ты храбр,
чтобы вершить
добрые дела?

Обычай умирать

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Обычай умирать

«PEN-клуб»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Абдуллаев Ч. А.

Обычай умирать / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2017 — (Дронго)

ISBN 978-5-699-97253-1

К знаменитому эксперту Дронго обратился израильский бизнесмен Меир Блехерман. Два года назад в результате теракта в центре Москвы погибла его единственная дочь. Блехерман недоволен ходом следствия, он уверен, что осуждены были лишь «пешки», при этом настоящие организаторы преступления так и остались безнаказанными. Несчастный отец утверждает, что располагает неопровержимыми доказательствами, которые прольют свет на это темное дело, и предлагает эксперту провести повторное расследование. Дронго берется за это опасное дело, еще не подозревая, что уже попал в поле зрения спецслужб сразу нескольких крупных мировых держав.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97253-1

© Абдуллаев Ч. А., 2017
© PEN-клуб, 2017

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Обычай умирать

У любой великой идеи есть недостаток, равный или превышающий величие этой идеи.

Законы Мэрфи

Самое ужасное из всего этого – если мы не будем твердо придерживаться раз принятых решений и не поймем, что государство с худшими, но неизменными законами могущественней того, которое имеет законы прекрасные, но не приводимые в исполнение, что вообще необразованность при твердости характера всегда полезнее, чем смывленность при бесхарактерности государства, и, возможно, что люди попроще даже лучше справляются с делами в государстве, чем люди более продвинутые.

Клеон

Формы правления создаются не для добродетельных людей. Они в них обычно не очень нуждаются... Большинство людей было бы хорошо собрать и объяснить, как функционирует государство. Но в жизни достаточно заставить их бояться.

Клод Гельвеций

За два года до описываемых событий

Автомобиль подъехал к зданию Петровского пассажа, и водитель недовольно посмотрел на загруженную автомобилями стоянку – не было ни одного свободного места. Он обернулся к двум женщинам, сидевшим на заднем сиденье:

– Будете выходить?

Зрелая дама пожала плечами и посмотрела на свою спутницу:

– Дана, как ты считаешь? Может, приедем позднее?

– Нет, Валентина Андреевна, я так хочу все увидеть, – покачала головой молодая девушка. – Мама говорила, что они познакомились именно здесь, в этом здании. Это так интересно!

– Ничего интересного, обычные торговые ряды, – сказала дама, поправляя волосы.

– Пойдемте, пойдемте! – поторопила Дана, выходя из салона автомобиля.

– Припаркуйтесь где-нибудь рядом, – попросила Валентина Андреевна водителя «Мерседеса».

– Я буду немного дальше, – показал он, – здесь во втором ряду не разрешают останавливаться. Вам нужно будет немного пройти вперед к ЦУМу.

Женщины вошли в здание Петровского пассажа. Примерно в это же время с другой стороны здания подъехала старая «Волга» серого цвета. За рулем сидел мужчина лет сорока. Он взглянул на своего спутника, который был гораздо моложе него, с каким-то непонятным выражением лица, в котором сквозили страх и тревога. Несмотря на теплую погоду, его спутник был в темной, наглухо застегнутой куртке и джинсах.

Сидевший за рулем достал телефон, набрал нужный номер и сообщил:

– Мы уже прибыли на место.

– Подождите. Туда должна войти группа туристов, – услышал он в ответ и, убрав телефон, обратился к сидевшему рядом молодому человеку:

– Асхат, они просят подождать. Не торопись. Сейчас мне позвонят и скажут, когда можно будет войти. Должны подъехать иностранцы.

– Какие иностранцы? – спросил Асхат.

– Не знаю. Какая тебе разница?

– Никакой. Просто ждать не хочу, на нас могут обратить внимание. А там нет охраны внутри?

– Нет никакой охраны. Ты же сам вчера сюда приезжал. И Джумшуд был с тобой. Вместе смотрели.

– Может, сегодня поставили. Хотя мне все равно.

Сидевший за рулем мужчина отвернулся. Было заметно, как он нервничает. А его спутник сидел с совершенно спокойным видом, словно уже сделал свой выбор, не сомневаясь и не раздумывая о нем.

В самом здании Дана и Валентина Андреевна вошли в первый магазин одежды, и молодая девушка начала рассматривать висевшие платья. Посмотрев на ценники, она покачала головой и удивленно произнесла:

– Здесь так все дорого, дороже, чем в Париже или Лондоне.

– Раньше на некоторых магазинах висели таблички, предупреждавшие, что цены начинаются от нескольких тысяч долларов и посторонним и бедным лучше сюда не входить, – вспомнила Валентина Андреевна.

– Прямо как в «Красотке», – рассмеялась Дана. – Помните, как Джулия Робертс вошла в магазин, а ее оттуда прогнали? Она была плохо одета и не знала, как себя вести.

– Нас точно не выгонят, – заметила Валентина Андреевна, – и даже хорошо, что ты так скромно одета. Если они узнают, чья ты дочь, то всем коллективом бросятся к тебе и не отпустят, пока ты не купишь половину магазина.

В это время в пассаже появилась группа немецких туристов. Они громко переговаривались, смеялись. Молодая женщина лет двадцати пяти, очевидно гид группы, рассказывала, когда и как было построено это здание. А когда сообщила, что прямо отсюда они выйдут к Большому театру, гости еще больше оживились.

Между тем сидевшие в «Волге» мужчины услышали телефонный звонок, и старший снова вытащил трубку.

– Они пришли, – кратко произнесли на том конце, и связь оборвалась.

– Можешь идти, – чуть дрогнувшим голосом обратился он к молодому человеку.

Его спутник открыл дверцу, ничего не сказав, вышел из салона и направился к пассажиру, а «Волга» медленно отъехала.

Дана и Валентина Андреевна вышли из магазина и увидели немцев, столпившихся вокруг что-то оживленно рассказывающего гида, а также молодого человека, подошедшего к ним. Он был чисто выбрит, одет в темную куртку, и Валентина Андреевна подумала, что куртка несколько не по сезону, учитывая сегодняшнюю теплую летнюю погоду. Незнакомец все ближе подходил к группе, на ходу расстегивая куртку, и она успела заметить какие-то непонятные устройства, провода, металлические части.

«Наверное, сейчас такая мода у молодых, – недовольно подумала она, – как хотят, так и одеваются».

Молодой человек подошел вплотную к иностранцам, но те не обратили на него никакого внимания. В этот момент Дана позвала Валентину Андреевну, и та на секунду отвлеклась. А когда снова посмотрела на неизвестного, буквально застыла на месте, увидев его спокойные и какие-то отрешенные глаза. Сжатые губы. Непонятную решимость. Он достал из кармана небольшое устройство, похожее на телефон, и сделал еще один шаг по направлению к иностранцам. В эту секунду Валентина Андреевна вдруг поняла, что это не новая мода – на молодом человеке надет «пояс смертника», который она иногда видела в фильмах про террористов. Она хотела крикнуть, предупредить, сбежать, но не могла произнести ни слова, словно в этот момент время остановилось, не смогла даже повернуть голову, чтобы предупредить свою спут-

ницу. В эти мгновения она ни о чем не думала. Не вспомнила ни свою дочь, которая недавно развелась с мужем, ни свою трехлетнюю внучку, ни мужа, который должен был завтра вернуться из командировки в Архангельск. В такие минуты как будто отключаются все чувства, и человек, словно зачарованный, ждет своей неминуемой гибели.

Парень в куртке поднял правую руку, в которой держал какую-то коробочку, и... прозвучал взрыв. Это было последнее, что увидела в своей жизни Валентина Андреевна. Раздались крики ужаса и боли, звон разбитых витрин, стоны умирающих и раненых. Некоторые падали на пол, другие, наоборот, выбегали из магазинов, пытаясь рассмотреть в дыму, что именно произошло. Валентину Андреевну позже опознали по обручальному кольцу с ее инициалами. В отличие от нее Дана почти не пострадала, если не считать осколка, пробившего сердце. Смерть молодой девушки была такой же мгновенной, как и смерть ее спутницы.

Глава первая

Они играли в шахматы с Эдгаром Вейдеманисом, когда зазвонил телефон. После третьего звонка включился автоответчик, предложивший оставить свое сообщение. И они услышали взволнованный голос Леонида Кружкова. Они вдвоем с супругой работали в небольшом офисе на проспекте Мира, куда приходили все сообщения и письма для Дронго.

– Извините, что я вас беспокою, – начал Кружков, – но мне звонили из Лондона и просили о срочной встрече.

Дронго продолжал обдумывать свой ход. Он явно проигрывал эту партию своему напарнику. Вейдеманис играл гораздо сильнее него и выигрывал четыре партии из пяти. Зато в одной из пяти реванш обычно брал Дронго. Теперь была явно не пятая партия, и он понимал, что практически потерял все шансы на ничью, но продолжал искать возможный вариант.

– Это к тебе, – сказал Вейдеманис, показывая на телефон.

– Добрый вечер, Леонид. Что случилось? – ответил в трубку Дронго.

– Звонил из Лондона ваш знакомый Николас Стайнфелд, – сообщил Кружков. – Он просит вас встретиться с его другом, который специально для этого прилетел из Тель-Авива.

Николас Стайнфелд, бывший сотрудник МИ-6, работал в крупной английской инвестиционной компании, и они часто помогали друг другу в сложных ситуациях, когда требовалась срочная помощь. Дронго знал, что Стайнфелд никогда не будет звонить по пустякам. Он посмотрел на сидевшего напротив Эдгара Вейдеманиса, и тот молча кивнул. Оба были достаточно подготовленными профессионалами, чтобы не понимать происходящего. У Стайнфелда был номер мобильного телефона Дронго, но он позвонил Кружкову. Лишних слов не требовалось. Очевидно, бывший английский разведчик, считая, что их разговор так или иначе могут прослушать, демонстративно позвонил на городской телефон Кружкова, подчеркивая некую отстраненность от этого дела и вместе с тем давая понять своему знакомому, что дело достаточно важное.

– Фамилию знакомого он назвал? – уточнил Дронго.

– Нет. Но оставил его телефон. Сказал, что вы можете позвонить ему, если захотите. Или самому Стайнфелду.

– Нужно было узнать фамилию, – недовольно заметил Дронго. – Хорошо, продиктуй его номер, я сейчас перезвоню. Стайнфелд никогда не станет звонить по пустякам. Видимо, важный человек, если сумел выйти на меня через него, к тому же называет его своим другом.

Вейдеманис согласно кивнул. Именно эти слова нужно было произнести по обычному городскому телефону, чтобы их услышали все, кто мог или должен был слышать.

– Я тоже так подумал, – согласился Кружков, продиктовав номер.

Это был московский мобильный номер МТС. Дронго набрал нужные цифры и почти сразу услышал незнакомый голос с сильным еврейским акцентом:

– Добрый вечер, господин эксперт. Я рад, что вы мне позвонили.

– Добрый вечер. Кто со мной говорит?

– Это Меир Блехерман. Я прилетел вчера вечером из Тель-Авива и хотел бы с вами встретиться.

– Кто вам сказал обо мне?

– Ваша репутация, господин эксперт. Я наводил справки о вас в разных странах. Извините, можно мне называть вас господин Дронго?

– Да. Меня обычно так и называют.

– Мне говорили об этом.

– Как вы догадались, что позвонил именно я, – уточнил Дронго, – если не знали номера моего городского телефона? Хотя подождите, я, кажется, понял. Вы купили новую сим-карту на чужое имя специально для того, чтобы переговорить со мной, и ждали именно моего звонка.

– Наши друзья в посольстве специально купили мне сим-карту московского телефона, – подтвердил Блехерман. – Вы очень проницательны, господин эксперт.

– Очень интересно, – произнес Дронго, – и достаточно показательно. Где вы хотите со мной увидеться?

– Где скажете, как вам будет удобно. Я сейчас живу в отеле «Ритц-Карлтон» на Тверской. Можете приехать прямо сюда.

– Вам не кажется, что это слишком гламурное место? И если вам нужен мой совет или помощь, то лучше нам встретиться где-нибудь в другом, более спокойном месте. Хотя, – задумался Дронго, – мы можем встретиться в отеле, так будет даже лучше, чтобы не вызывать ненужных подозрений.

– Мне тоже кажется, что нам необязательно куда-то ехать. Здесь вполне подходящее место. И у меня несколько необычное дело.

– Связанное с моей профессией? – уточнил Дронго.

– Думаю, что да.

– В таком случае я приеду со своим напарником.

– Очень хорошо. Я тоже буду со своим другом. Значит, мы вас ждем. Когда вы сможете к нам приехать?

– Через два часа, – ответил Дронго, взглянув на часы.

– Договорились.

– Так где нас ждут? – посмотрел на напарника Вейдеманис. – Насколько я понял, в «Ритц-Карлтоне»?

– Он там остановился и сказал, что будет со своим другом. Ждет нас через два часа.

– Хочешь проверить по Интернету, кто это такой? Или позвонить Стайнфелду? Подготовиться к встрече? Отсюда ехать не больше часа. Даже с учетом московских пробок.

– Иногда я думаю, что ты знаешь меня лучше, чем я сам, – недовольно проворчал Дронго. – Конечно, я хочу проверить информацию. И позвонить Стайнфелду в Лондон, прежде чем мы отправимся на встречу.

Он понимал, что звонить по городскому и мобильному телефону нельзя, так как их могли прослушать. Именно поэтому сам Стайнфелд позвонил по городскому телефону, давая понять, что ответный звонок должен быть максимально закрытым. Дронго достал один из тех телефонов, которые были зарегистрированы в Европе и которые он редко включал. Подождал, пока телефон найдет сеть Интернета, и по скайпу связался с Лондоном:

– Добрый вечер, господин Стайнфелд!

– Добрый вечер, господин Дронго, – ответил знакомый, чуть хриловатый голос, – рад вас снова слышать.

– Мне передали вашу просьбу, и я уже перезвонил господину Блехерману. Он назначил мне встречу в отеле «Ритц-Карлтон» и сказал, что приехал со своим другом. Надеюсь, что это не вы прилетели в Москву с господином Блехерманом.

– Нет, – рассмеялся Стайнфелд. – Как мы, англичане, говорим в таких случаях, «он не моя чашка чая». Скорее ваша, господин эксперт. Хотя и по очень печальному делу. Ему нужны именно вы.

– Что-то случилось?

– Да. Два года назад в Москве погибла его дочь, Дана Блехерман. Может, вы помните, был такой взрыв в центре Москвы, когда погибло шестеро немецких туристов из Мюнхена и еще несколько человек. Среди погибших была и его дочь.

– Я помню эту трагическую историю, – сказал Дронго. – Там погибли немцы и, кажется, двое корейцев. Еще писали про двух женщин из Израиля.

– Нет. Там была одна женщина. Его дочь. А вторая ее просто сопровождала. Но, к сожалению, обе погибли. Было много шума в европейской прессе. Оппозиция в Германии даже использовала этот взрыв в качестве веского аргумента против эмиграционной политики тогдашнего правительства Германии. И правящая коалиция проиграла выборы. Блехерман очень тяжело переживает случившееся. Это была его единственная дочь. Поздний ребенок. Столько времени он не может примириться с этим несчастьем. Для него это была настоящая трагедия.

– Представляю, – пробормотал Дронго. – Только не совсем понятно, почему он сейчас прилетел в Москву и хочет со мной увидеться.

– Насколько я понял, он хочет, чтобы вы провели повторное частное расследование. Именно поэтому он искал такого специалиста, как вы.

Дронго изумленно посмотрел на стоявшего рядом Вейдеманиса. Он ожидал любой развязки, но только не такой. Бывший английский разведчик должен был понимать, что это просто нереально.

– Извините, господин Стайнфелд, но я не совсем понимаю цель его визита. Если я вас правильно услышал, то прошло уже два года после этой трагедии. Разве в Москве не проводили расследования? По-моему, был даже суд, хотя, возможно, я ошибаюсь.

– Нет, не ошибаетесь. Власти быстро провели расследование и вышли на сообщников и организатора преступления. Одного застрелили, двоим дали длительные тюремные сроки.

– Тогда вообще непонятно, о чем идет речь.

– Он хочет, чтобы вы провели повторное частное расследование, – произнес Стайнфелд. – Ему кажется, что первое расследование было проведено достаточно небрежно, и он собирается предложить вам провести его еще раз. Так сказать, частное расследование, если хотите, перепроверка всех известных фактов.

– Как это – еще раз? Здесь Россия, а не Англия. И я даже не гражданин этой страны, всего лишь иностранец, проживающий в Москве. Причем особо слежу, чтобы не оставаться больше ста восьмидесяти дней и не иметь проблем с налоговыми инспекторами. Но это, конечно, шутка. Я не могу проводить частного расследования. Здесь такое недопустимо. Тем более по делам о государственных преступлениях. Мне казалось, что вы тоже должны это сознавать.

– Я с вами согласен. Но он настаивал. Очевидно, у него есть свои мотивы. Насколько я могу судить, ему удалось собрать какие-то дополнительные факты по этому делу и он искал опытного эксперта, который смог бы провести расследование именно в Москве. Разумеется, ему рекомендовали вас как лучшего специалиста. И не только потому, что вы действительно лучший, в чем я убежден. Он не может обращаться в государственные структуры или к государственным служащим с просьбой провести повторное расследование.

– Здесь такое невозможно, – упрямо произнес Дронго, – тем более через два года. Вы же профессионал, господин Стайнфелд, и должны понимать, насколько глупо все это выглядит.

– И тем не менее он настаивает. К тому же мне звонил Иссер Блехерман. Это его младший брат, и он возглавляет АМАН в Израиле. Вы понимаете, что я не мог ему отказать.

Служба АМАН была войсковой разведкой Израиля, и иногда интересы британских и израильских спецслужб совпадали. Очевидно, дополнительные факты, собранные Меиром Блехерманом, могли быть очень важными.

– Ясно, – сказал Дронго. – Тогда, конечно, нужно помочь старшему брату. Я почти убежден, что ничего сделать невозможно, но на встречу поеду. Хотя бы потому, что все это выглядит достаточно неправдоподобно. Младший брат обязан был объяснить, что повторное расследование через два года выглядит просто смешно. Это во-первых. А во-вторых, в России никто не позволит проводить такое расследование, связанное с государственными преступлениями.

И, наконец, конкретно мне никто не позволит этим заниматься. Но Блехерман все равно приехал. А его младший брат его не отговорил. Значит, там другие обстоятельства и какие-то новые факты, о которых мы можем не знать. Предположить, что руководитель АМАН ничего не понимает в подобных делах, достаточно глупо.

– Это разумная мысль, – сдержанно согласился англичанин.

– Поэтому придется ехать на встречу. Кстати, я сейчас подумал: может, Блехерман прилетел сюда со своим братом? Или это слишком наивная мысль?

– Не думаю, – сразу ответил Стайнфелд. – Разведчик такого уровня не стал бы просто так прилетать в Москву, даже ради своего брата и его дочери, не говоря уже о том, что, согласно израильским законам, имена руководителей спецслужб являются государственной тайной этой страны. Получается, что я выдал вам государственную тайну, – пошутил он.

– Которая есть в Интернете, – напомнил Дронго. – Сейчас все секреты можно прочесть в Интернете. Даже как собрать и применить атомную бомбу. Ладно, будем считать, что вы меня убедили. Поеду на встречу.

– И учтите, что он очень богатый человек и может оплатить все ваши расходы, – добавил Стайнфелд.

– В этом я как раз не сомневался, – ответил Дронго.

Он еще успел посидеть перед компьютером, сделав запрос о случившемся взрыве в Петровском пассаже два года назад, и только затем поехал вместе с Эдгаром Вейдеманисом на Тверскую в отель «Ритц-Карлтон».

Сам отель был построен на месте высокой коробки гостиницы бывшего «Интуриста». В отличие от прежней высотки новое здание «Ритц-Карлтон» достаточно гармонично вписывалось в общий архитектурный ансамбль Тверской. Дронго вошел в холл отеля вместе с Вейдеманисом, и с дивана тут же поднялся мужчина лет пятидесяти пяти. Седые волосы, немного отекшее лицо, достаточно плотный, среднего роста, в очках. Он был одет в темно-синий костюм. Дронго обратил внимание, что галстук был повязан американским узлом. Это был Меир Блехерман. Он шагнул к приехавшим и крепко пожал руку Дронго, пристально вглядываясь в него, словно спрашивал у самого себя – верный ли выбор он сделал. Рядом с ним появился высокий мужчина с армейской выправкой, ростом почти с Дронго и Вейдеманиса. У него были коротко стриженные волосы, строгое обветренное лицо с резкими складками вокруг рта, темные глаза.

– Гилад Штаркман, – представил его Блехерман обоим напарникам. – Это мой помощник, который обычно прилетает со мной в Россию. Господин Штаркман хорошо владеет русским языком. Его отец из Латвии а мать из Литвы, – пояснил он. – Давайте поднимемся в мой сюит, чтобы поговорить в спокойной обстановке.

Все четверо мужчин прошли в кабину лифта. Штаркман приложил карточку-ключ, и кабина плавно поднялась на верхний этаж. В просторном номере Блехермана они уселись за стол друг против друга. От внимания прибывших не укрылся и тот факт, что перед началом разговора Штаркман достал из кармана и положил на стол скремблер, блокировавший возможные попытки прослушать их беседу.

– Спасибо, что приняли мое приглашение, – начал Блехерман. – Не скрою от вас, что я достаточно долго искал специалиста, который мог бы мне помочь. У меня были разные претенденты, но я принял решение остановиться именно на вашей кандидатуре. У вас прекрасные рекомендации, и вы достаточно известный эксперт. В том числе и в нашей стране. – Он немного помолчал, словно собираясь с мыслями, затем продолжил: – Два года назад в Москве произошла трагедия. Смертник взорвал себя в Петровском пассаже. Погибло четырнадцать человек. Среди них – шестеро граждан Германии, двое корейцев, несколько граждан России и моя дочь... – Блехерман тяжело вздохнул и поправил очки. Было понятно, что ему и теперь, спустя столько лет, тяжело говорить об этом. – Она погибла, – выдавил он, – ей было только двадцать два года. Мы с женой ждали целых восемь лет, пока Бог послал нам эту девочку.

Восемь лет... А потом было двадцать два года непрерывного счастья. И все закончилось, когда какой-то мерзавец вошел в этот пассаж и взорвал себя вместе с остальными...

Было видно, как тяжело ему даже говорить об этом. Штаркман поднялся, налил в стакан минеральной воды и протянул его Блехерману. Тот залпом выпил, кивком поблагодарил и спросил у гостей:

– Что-нибудь будете пить? Может, чай или кофе? А может, виски или вино?

– Спасибо, ничего не нужно. Если можно, продолжайте рассказывать. Я понимаю, как вам тяжело, – мягко проговорил Дронго.

– Очень тяжело, – согласился Блехерман. – Я тогда приехал в Россию и только спустя месяц получил разрешение увезти тело моей девочки на родину. Моя супруга до сих пор не может прийти в себя и сейчас находится в швейцарской клинике. У нее большие проблемы с сердцем... – Он вздохнул, снова поправил очки. – Человек не может смириться с такой потерей. Тем более обидной и страшной, когда она происходит внезапно. Мы не пускали нашу Дану даже в приграничные районы, которые подвергались обстрелу со стороны ХАМАС, а оказалось, что ей суждено было погибнуть именно здесь. Она ведь приехала сюда, чтобы увидеть место, где мы познакомились с ее матерью. Это было более тридцати лет назад. Мать рассказывала потом Дане, как вышла из ЦУМа, проходя дальше по Петровке, а я двигался с другой стороны, и мы как раз там и встретились. Это было наше самое любимое место в городе, которое стало самым страшным местом для нас. Так иногда бывает в жизни. С тех пор я несколько раз прилетал в Москву. Был на судебном процессе, когда судили этих мерзавцев. Смертник взорвал себя сам, и очень надеюсь, что он сейчас в аду. Организатора и пособника арестовали. Еще одного пристрелили при задержании. Говорят, что он оказал сопротивление. Организатор получил двадцать два года, второй – четырнадцать лет. Оба сидят в колониях.

– Приговор был обжалован?

– Их адвокаты подали апелляции, но Верховный суд их отклонил. Странно, что таким нелюдям назначают государственных адвокатов. Как будто их участие в преступлении не доказано. Но, видимо, везде сначала думают об убийцах, а только потом об их жертвах. Сейчас в моде гуманизм. В том числе и к преступникам. – Блехерман непроизвольно сжал кулак, побагровел, шумно задышал, но усилием воли взял себя в руки и продолжил: – Мне важно, чтобы нашелся человек, который возьмется за проверку всех фактов, уже известных следствию и суду, и вынесет свое заключение.

– Это невозможно, – мягко возразил Дронго. – Прошло много времени, свидетели, даже если таковые найдутся, уже многое не смогут вспомнить. Никто не разрешит вторично проводить расследование. А самое главное, что суд уже осудил всех, кто был причастен к этому преступлению.

– У меня появились некоторые сомнения, – покачал головой Блехерман. – Все это время мы собирали факты, которые могли нас заинтересовать, и теперь считаем, что необходимо все проверить еще раз. Возможно, там были еще другие люди, которые сумели уйти от наказания. А самое неприятное, что в организации взрыва обвинили только одного человека, того самого, который получил двадцать два года тюрьмы. Но ведь кто-то давал ему деньги, взрывчатку, обеспечивал нужными связями, людьми, материалами. Это не тот человек, на котором может замкнуться цепь. Нужно было продолжить поиски, но их остановили.

– Кто вел дело?

– Следователь по особо важным делам Поляков. Глеб Юрьевич Поляков. Пока шло расследование, я дважды с ним встречался. После того как дело было передано в суд, он отказался со мной разговаривать, и формально был прав. Следствие закончилось, и теперь все решал суд. Но фактически это было не совсем так. Вернее, совсем не так. Поэтому я приехал сюда и нашел вас, чтобы попытаться проверить некоторые факты.

– Я меньше всего подхожу на эту роль, – пробормотал Дронго, – вам лучше поискать среди бывших сотрудников Следственного комитета, учитывая их связи и возможности.

– Прошло много времени, – неожиданно произнес Блехерман, – и я понимаю, что можно не найти никаких концов. Но мне вас рекомендовали как отличного специалиста, который буквально творит чудеса. Есть еще несколько факторов, которые не позволяют мне обращаться к сотрудникам государственных органов, даже бывшим.

– Бойтесь, что бывший сотрудник может оказаться под влиянием своих руководителей, которые просто не допустят никаких утечек информации, – заметил Дронго.

– И это тоже немаловажный факт, – согласился Блехерман.

– Затем хотите найти человека который сумеет войти в контакт с возможными пособниками организаторов этого взрыва. А это должен быть мусульманин. Я прав?

– Если вы все знаете, то зачем спрашиваете? Конечно да, я искал именно такого человека. Не скрою, я бы хотел, чтобы вы нашли любую возможную зацепку. Если хотите, это моя личная месть тем, кто сотворил подобное несчастье.

– Я все понимаю. Осознаю, насколько велико ваше горе. Понимаю, как сложно сейчас вашей супруге. Но прошло два года. Многие детали просто стираются из памяти, независимо от желания или возможностей свидетелей.

– Моя супруга тяжело больна, – перебил Дронго Блехерман, – врачи делают все, что возможно. Но после случившегося... Вы знаете, что означает на иврите имя «Дана»?

– Знаю, – мрачно ответил Дронго, – от библейского – «Даниил», что означает «Бог – мой судья».

– Есть еще одно значение имени «Дана». Оно означает «дарованная» или «данная Богом». Но мы потеряли нашу девочку. Кто-то решил, что может таким образом лишить нас всего. И поэтому мы два года собирали все возможные материалы по крупным, по деталям. Нужно было учитывать и общую обстановку, и невозможность нашего параллельного расследования. Но теперь у нас появились некоторые факты, поэтому я решил обратиться к вам. Мне нужна ваша помощь, господин эксперт. И я прошу вас начать повторное расследование.

– Это невозможно... – снова попытался объяснить Дронго.

Но Блехерман опять его перебил:

– Один миллион долларов наличными.

– Дело не в деньгах. Никто не позволит нам проводить повторное расследование, когда есть решение суда...

– Два миллиона...

– Подождите! Я говорю так не из-за денег. Я не торгуюсь с вами. Просто пытаюсь объяснить, что я далеко не волшебник...

– Три миллиона...

– Хватит! Даже если вы дадите сто миллионов, ничего не изменится. Успокойтесь и не дергайтесь. Я просмотрю ваши материалы и попытаюсь что-то понять, если возможно.

– Да, – согласился Блехерман, – посмотрите. Аванс я вам переведу на расходы. И постарайтесь что-нибудь придумать. Про вас ходит столько разных легенд, и я очень хочу, чтобы хотя бы часть из них оказалась правдой.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом, и тот незаметно пожал плечами. Подобной авантюры еще не было в их совместных расследованиях.

– Мы не даем окончательного согласия, – сказал наконец эксперт, – но ваши материалы готовы просмотреть.

Блехерман взглянул на своего помощника. Тот поднялся и вышел в соседнюю комнату. Очевидно, стал кому-то звонить, тихо переговариваясь.

– Господин Штаркман может ознакомить вас с ними, – сообщил Блехерман. – Хочу вам сказать, что я завтра улетаю в Тель-Авив, а он останется в Москве для связи со мной и с вами.

Эти материалы находятся в нашем посольстве, и сейчас привезут флешку, на которой есть вся информация.

– Очень предусмотрительно, – заметил Дронго, – оттуда их будет сложно выкрасть.

– Он сидит внизу и сейчас поднимется, – сообщил вернувшийся в комнату Штаркман. По-русски он говорил с очень сильным еврейским акцентом, характерным для людей, долгие годы проживающих в Израиле. – Информацию нельзя подключать к компьютерам, которые находятся в сети Интернета, – предупредил он, – вы должны просмотреть всю информацию на компьютере, не связанном с общими линиями. У вас наверняка есть такой независимый компьютер.

– Найду, – заверил его Дронго. – Хотя не сомневаюсь, что вы сделали копии со всех документов.

– Вы можете их забрать, – согласился Блехерман, – но постарайтесь прочесть их до завтра. А утром господин Штаркман встретится с вами для беседы, чтобы узнать ваши впечатления. И надеюсь получить окончательное согласие на нашу совместную работу.

– Тогда лучше будет, если он приедет к нам, – предложил Дронго, – здесь слишком известное место. Я могу дать адрес нашего офиса на проспекте Мира.

– Мы знаем, – сказал Блехерман, – завтра утром господин Штаркман будет у вас. Я надеюсь, что вы сможете мне помочь. Очень надеюсь, господин Дронго.

Интерлюдия

В просторном кабинете их было двое. Хозяин кабинета – пятидесятидвухлетний генерал Алексей Федорович Богдановский. Почти всю свою жизнь он проработал в органах Государственной безопасности, поступив на службу еще в Советском Союзе. Напротив сидел полковник Кирилл Савченко, только недавно утвержденный руководителем специального подразделения по проведению особо секретных операций. Ему было сорок три года, и он имел обыкновенное, «стертое» лицо, какое бывает у профессиональных «топтунов» и наблюдателей, чтобы не бросаться в глаза. При этом Богдановский прекрасно знал, что коэффициент интеллекта его подчиненного зашкаливает. И этот коэффициент был гораздо выше уровнем не только всех остальных руководителей управления, но и самого генерала, о чем тот подсознательно всегда помнил. О подразделении «С» никогда не упоминали в официальных документах, и даже многие сотрудники Федеральной службы безопасности не подозревали о его существовании.

– Значит, они встретились, – мрачно подвел итог Богдановский.

– Да, – кивнул Савченко, – встретились сегодня в отеле «Ритц-Карлтон», в номере самого Меира Блехермана.

– Разговор записали?

– Конечно. Мы понимали, что израильтяне могут включить скремблеры или скэллеры, поэтому заранее установили камеры видеонаблюдения и нашу технику, позволяющую напрямую записывать информацию по вибрации оконных рам.

– Запись передали нашим аналитикам?

– Они сейчас над ней работают.

– Эта две пары не могли обменяться в кабине лифта какой-нибудь информацией?

– Там тоже была установлена камера. Они молчали, пока поднимались.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Богдановский. – Теперь давайте снова, и все по порядку.

– Мы обратили внимание, что сотрудники израильского посольства проявляют повышенный интерес к событиям двухлетней давности, когда погибла их гражданка – Дана Блехерман. Сначала мы связывали этот интерес конкретно с погибшей. Но затем наши аналитики обратили внимание на слишком откровенную заинтересованность в сборе различных материалов.

Блехерман приезжал сюда уже три раза. И каждый раз с ним прилетал Гилад Штаркман. После отмены виз они могут приезжать столько, сколько хотят. Но Штаркман тоже вызвал у нас интерес, и мы выяснили, что он – майор военной контрразведки Израиля ШАБАК, который работал в Турции, в арабских странах и на Украине.

– А сейчас он прилетает сюда в качестве помощника Блехермана, – уточнил генерал.

– Во всяком случае, его так и представляют. Но мы проверили, Штаркман действительно вышел в отставку сразу после тяжелого ранения. Последние два визита мы пытались контролировать их передвижения и постепенно вычислили, что Блехерман и его помощник начинают задавать ненужные и часто очень опасные вопросы, на которые пока не могут найти ответа. Но они его ищут. И конечно, сведения об обоих осужденных, которые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, тоже интересовали Блехермана и Штаркмана.

– Вы понимаете, полковник, насколько все серьезно? – спросил Богдановский. – Это тот самый случай, когда мы не имеем права выпустить развитие ситуации из-под нашего контроля. Все более чем серьезно. Завтра утром я должен доложить о наших предложениях.

– Я все понимаю, – кивнул Савченко, – мы продолжаем работать. Но необходимо собрать более полную информацию об их намерениях. Сейчас уже понятно, что Блехерману удалось получить некоторые факты, которые он считает важными и не известными нашим правоохранительным органам. Поэтому он обратился к частному эксперту с просьбой разобраться и дать свое заключение. Со стороны это выглядит именно так.

– А не со стороны? Если копнуть глубже?..

– Они могли собрать любые факты. Младший брат Меира Блехермана руководит армейской разведкой Израиля. Конечно, это не МОССАД, но и АМАН – очень компетентная и серьезная служба, имеющая очень хорошо налаженные связи в соседних государствах.

– В том числе и в Турции, – вставил генерал.

– В первую очередь, – согласился Савченко. – Поэтому есть определенные опасения, что Блехерману удалось получить другие сведения.

– А этот Дронго? Насколько я помню, его считали одним из лучших экспертов еще тогда, когда я только начинал здесь работать. Хотя он ненамного старше меня. Вы полагаете, что он не представляет опасности?

– Мы не хотим делать никаких выводов, пока не получим более полную информацию. Но вчера Дронго и Блехерман разговаривали друг с другом по мобильному телефону, который был специально приобретен сотрудниками израильского посольства и выдан Блехерману. Мы сразу поставили его на «прослушку».

– Этот разговор тоже записали?

– И тоже сейчас анализируем.

– Неплохо. Что дальше?

– Сразу после разговора с Блехерманом Дронго позвонил кому-то в Лондон по скайпу. Подключиться не удалось. У этого эксперта в квартире установлена хорошая аппаратура, а телефон был зарегистрирован где-то в Европе. Но мы сейчас пытаемся все проверить. Завтра наши техники обещали дать более точную информацию.

– Если мы собираемся взять под плотный контроль этого эксперта, то нам нужно установить свою аппаратуру и у него дома.

– Мы тоже об этом подумали. Но над ним живет австрийский дипломат, и наши сотрудники не смогут туда войти. Внизу в доме постоянно работает служба консьержа и охрана. Установлены камеры. Но под ним живет известный художник, который часто отсутствует. Сейчас пытаемся выйти на его сестру, чтобы попасть в эту квартиру и подключить нашу аппаратуру с выходом на верхний этаж. Если получится, попытаемся установить аппаратуру по всему периметру дома.

– Постарайтесь как можно быстрее разобраться с сестрой этого соседа-художника. У нас совсем нет времени. Вы сумели подключиться к его компьютеру?

– Наши технические службы сейчас работают. В конце встречи Штаркман передал им материалы, записанные на флешку. Оказывается, сотрудник израильского посольства все это время находился в отеле. Видимо, все было просчитано заранее.

– Израильские спецслужбы всегда отличались особым профессионализмом, – напомнил генерал, – и, конечно, подключиться к компьютеру Дронго вы не смогли.

– Он использовал аппарат, не включенный в общую сеть, чтобы просмотреть всю информацию.

– Это вас не оправдывает. Завтра Штаркман встречается с этой парочкой. Что с их офисом? Вы уже разобрались?

– Там тоже установлена аппаратура, но мы уже работаем. В соседнем помещении туристическая компания, которую на два месяца переведут в другой офис. Мы уже договорились, и наши специалисты задействуют все возможности, чтобы услышать завтрашний разговор. Во всяком случае, они будут работать всю ночь и к утру обещают закончить.

– Надеюсь, там нет охраны или службы консьержа?

– Нет, – без тени улыбки ответил Савченко. – Мы могли бы задержать Дронго по дороге домой и под любым предлогом снять копии всех документов, но наши аналитики считают, что это опасно. Никто не поверил бы в случайность такого задержания: ни сам Дронго со своим напарником, ни Штаркман и его израильские друзья. Поэтому будет лучше, если мы займем выжидательную позицию и узнаем, о чем они будут говорить завтра утром.

– Вы обязаны узнать содержимое флешки. Понять, какую дополнительную информацию могли собрать израильтяне. Если не сможете, то пойдите на задержание Дронго, даже рискуя себя обнаружить.

– Мы попытаемся завтра все уточнить во время разговора Дронго со Штаркманом.

– Вы должны помнить, Савченко, что речь идет не просто о государственной безопасности. Речь идет о престиже нашей страны. О престиже нашей Службы. Вообще о нашей дальнейшей работе. Это не тот случай, когда мы можем позволить себе расслабиться. За операцию будете отвечать лично вы. С этого момента вы должны знать и слышать каждый шаг, каждое движение, каждое слово оставшегося в Москве Гилада Штаркмана и этой парочки экспертов. Запомните это, полковник.

Глава вторая

Всю ночь Дронго работал с информацией, которую ему передал Штаркман. Он никогда не делал записей и не копировал информацию, понимая, насколько это может быть опасно. Именно поэтому он внимательно просматривал все документы, обращая внимание на детали, о которых писал Блехерман. В половине десятого утра за ним заехал Вейдеманис. Дронго спустился вниз и сел в его машину.

– У тебя усталый вид, – заметил Эдгар, – ты не спал всю ночь.

– Читал. Есть много чего интересного. Блехерман, конечно, не успокоится. Он прав, когда считает, что все не могло закончиться на одном организаторе. При таких масштабных террористических актах бывает задействовано гораздо больше людей, и он хочет знать этих людей.

– У него погибла единственная дочь. Его можно понять.

– Во всяком случае, он не успокоится, даже если мы откажемся ему помогать. Судя по материалам, они потратили очень много сил и средств, чтобы найти некоторые факты. Им даже удалось установить, в каких именно колониях сидят осужденные террористы и где находятся близкие этих людей.

– Как раз этот факт говорит скорее о коррупции в правоохранительных органах, чем о жажде мести Блехермана. Сейчас можно купить любую информацию.

– Тебя это удивляет?

– Уже давно ничего не удивляет. Мерилом всего стали деньги, которые заменили совесть, честь, патриотизм, нравственность, любовь к своей стране, даже любовь к своим близким или веру в Бога. Уже четверть века телевидение, пресса, Интернет внушают людям, что неудачник – это человек без денег. И мерилom любого успеха в жизни являются деньги. Вот поэтому все продается и покупается.

– Можно подумать, что мы не получаем гонораров, – пошутил Дронго.

– Мы получаем гонорары благодаря твоему тяжелому труду, когда ты каждый раз рискуешь жизнью, – парировал Вейдеманис. – Тебя не покупают, тебе платят за хорошо сделанную работу.

– Нам платят, – уточнил Дронго, – ты мой напарник. Что же касается Блехермана, он действительно не успокоится.

– По-моему, у них появился своеобразный еврейский комплекс, после холокоста, когда погибло столько евреев, – заметил Эдгар. – Это отложилось в их генетической памяти, и они теперь не просто ценят каждую человеческую жизнь, как было всегда, а научились мстить за свои жертвы. И все началось с того момента, когда они вычислили и нашли в Аргентине палача Адольфа Эйхмана. Создав свое национальное государство, они поставили конкретную цель – никогда и никому не прощать убийства своих граждан. Для них это самый больной вопрос. Вспомни мюнхенские события семьдесят второго года, когда террористы убили нескольких израильских спортсменов. Тогда лично премьер-министр Израиля дала согласие на ответную операцию по ликвидации террористов, и все до единого были уничтожены. Это стало уже их традицией. Они находят своих врагов и уничтожают их повсюду, где бы те ни прятались.

– Эйхмана тогда приговорили к смертной казни и повесили, – согласился Дронго. – А мюнхенские события я отлично помню. Мне рассказывал о них Адам Купцевич, один из «голубых ангелов», с которым я познакомился много лет назад. Тогда было убито одиннадцать израильских спортсменов и тренеров. И Голда Меир приказала провести операцию «Гнев божий» по ликвидации оставшихся в живых террористов. Операция мщения длилась почти двадцать лет. Но я хочу вспомнить и о деле Эйхмана. Когда его выкрали и казнили, оказалось, что в ЦРУ точно знали, где именно скрывается этот нацистский преступник. Более того, об этом они сообщили западногерманским властям и спецслужбам. Но в правительстве Германии было

принято решение не разглашать подобной информации. И знаешь почему? Оказывается, руководителем секретариата федерального канцлера Германии Конрада Аденауэра был некто Ганс Глобке, бывший нацист, которого лично знал Эйхман. Западные немцы тогда опасались, что он может сообщить о Глобке американцам или израильтянам, что могло сильно скомпрометировать самого Аденауэра. Во имя высших государственных интересов было решено скрыть местонахождение Эйхмана. И в который раз государственные интересы оказались выше обычных нравственных и человеческих постулатов.

– Блехерман с такой поддержкой будет все время искать, – сказал Вейдеманис, – и пойдет до конца. Судя по твоему невыспавшемуся виду, там было много интересного.

– Они действительно собрали много информации, – кивнул Дронго.

Гилад Штаркман приехал в половине одиннадцатого утра. Дронго и Вейдеманис уже ждали гостя в небольшом кабинете. Перед его приездом Кружков сообщил, что утром один из соседей с верхнего этажа пожаловался ему по поводу каких-то работ, которые всю ночь проводились в соседнем помещении. Дронго лишь пожал плечами, никак не прокомментировав эти слова.

Приехавший Штаркман с любопытством оглядел небольшой кабинет. Все помещение состояло из трех комнат.

– Я думал, что у вас более солидный офис, – признался он, – хотя понятно, что не размерами кабинета определяется профессионализм.

– Мы достаточно скромные люди, – улыбнулся Дронго. – Господин Блехерман уже улетел?

– Рано утром. Я его проводил. Вы ознакомились с нашей информацией?

– Конечно.

– И...

– Было очень интересно. Вы проделали большую работу.

– Во всяком случае, мы старались.

Кружков уточнил, что именно будет пить гость, и Штаркман попросил черный чай. Дронго выбрал зеленый, а Вейдеманис – традиционный кофе без молока. У напарников Кружков даже не спрашивал, хорошо зная их вкусы.

– Что мне передать господину Блехерману? – спросил гость.

– Скажите, что мы с моим напарником попытаемся что-либо понять, хотя не можем обещать ничего конкретного.

– Никто этого и не просит. Я уполномочен сообщить вам, что в случае вашего согласия готов вручить вам невозвращаемый аванс, который вы можете тратить по своему усмотрению. Если у вас что-нибудь получится, мы готовы полностью выплатить гонорар.

– Дело не в деньгах. Будет достаточно сложно, но мы попытаемся понять, что именно там произошло. С учетом всех обстоятельств и данных, которые вы нам предоставили.

– Где флешка?

– Она у меня. Если вы не возражаете, сейчас мы ее уничтожим. Сотрем всю информацию.

– Я хотел сам попросить вас об этом, – кивнул Штаркман.

Дронго позвал Кружкова и сказал, чтобы тот сначала стер информацию, а затем уничтожил саму флешку. Он знал, что можно восстановить запись даже по стертым файлам.

– Давайте уточним факты, – предложил Дронго. – Сначала те, которые общеизвестны. Во время взрыва погибло много людей, среди них случайно оказалась и дочь господина Блехермана. Взрыв произвел смертник Асхат Хаджиров, приведя в действие «пояс смертника». По этому делу были арестованы Джумшуд Шовдыгов и Шамаил Захохов, первый из которых прошел как организатор преступления и получил двадцать два года в колонии, а второй – как пособник, ему присудили четырнадцать лет. Четвертый член группы – некто Исмаил Ламиев –

оказал сопротивление при аресте и был ликвидирован. Это факты, о которых писали в газетах и которые обнародовали в суде.

Тем временем супруга Кружкова внесла три чашки и расставила их на столе. Рядом поставила конфетницу, сахарницу и быстро вышла, чтобы не мешать разговору.

– Теперь ваши факты, – продолжил Дронго. – Вы проанализировали личности всех четверых членов этой преступной группы. Шовдыгов прошел как организатор. Он был женат и развелся восемь лет назад. Его супруга, Людмила Левицкая, вышла во второй раз замуж за бизнесмена Автандила Шершенидзе. У Шовдыгова есть сестра Кюльджан, которая еще в конце девяностых вышла замуж за проживающего в Австрии турецкого гражданина Маира Севги и примерно пять лет назад развелась с ним, переехав обратно в Москву. Сейчас она работает в научно-исследовательском институте и воспитывает дочь.

Штаркман согласно кивнул.

– Вы отметили, что во время последней поездки в Инсбрук, где проживает знакомая Кюльджан, он вернулся через Мюнхен, возложив цветы на могилы погибших немцев.

– Сообщение дали немецкие газеты, – пояснил Штаркман. – При взрыве тела погибших граждан Германии были разбросаны по частям, и было принято решение захоронить их всех вместе. К этому пантеону погибших и возложила цветы сестра Шовдыгова. Видимо, у нее есть совесть в отличие от ее брата, – не удержавшись, добавил он.

– Вы также уточнили, что семья Захохова переехала из Москвы в Нальчик, где ныне и проживает. У Хаджирова не было семьи, он приехал в Москву из Дербента. А вот у Ламиева в Измайлово остался жить брат, с женой и детьми. И сам Ламиев как раз был у своих родственников, когда его взяли. Это вы все там прописали. И еще уточнили, что Шовдыгов и Ламиев несколько раз выезжали за рубеж, в Турцию и в арабские страны.

– Да, – кивнул Штаркман, – и поэтому мы полагаем, что нужно исследовать связи этой группы с находившимися за рубежом террористическими центрами, которые давали оружие и деньги непосредственным исполнителям. Но этого сделано не было.

– И вы считаете, что мы можем помочь в установлении таких связей?

– Во всяком случае, можете проверить эти факты, – предложил Штаркман.

– Не знаю, каким образом, но подозреваю, что вы просто смогли купить информацию насчет обоих заключенных. Вы выяснили, что Шовдыгов отбывает срок в колонии особого режима в Читинской области, а Захохова отправили в колонию строгого режима в Алтайский край. Только я до сих пор не совсем понимаю, каким образом мы с моим напарником могли бы попасть в эти колонии. Нас туда просто не допустят.

– Нас – тем более, – вставил Штаркман, – нам даже обсуждать подобные темы не позволяют. Но вы можете попытаться. Господин Блехерман знает, что у вас хорошие связи в правоохранительных органах этой страны. А господин Вейдеманис – бывший сотрудник Комитета государственной безопасности, у которого тоже могут оказаться нужные связи.

– То есть нас вычисляли еще и с этим расчетом, – улыбнулся Эдгар. – Кажется, вы успели неплохо изучить наши биографии.

– Мы выбирали среди многих кандидатур, – подтвердил Штаркман.

– И вы действительно считаете, что, даже задействуя наши возможные связи, мы можем пробиться в колонии к особо опасным преступникам, получившим такой длительный срок? – усмехнулся Дронго.

– Во всяком случае, вы могли бы попытаться, – ответил Штаркман, – может, у вас все и получится.

– Там были еще и другие сведения, – продолжал Дронго, – хотя они не так важны... Вы не курите, господин Штаркман? – неожиданно спросил он.

– Нет, – удивился гость. – А почему вы спросили?

– Здесь душно. Может, выйдем на минуту подышать воздухом и вернемся обратно?

Штаркман взглянул на Дронго и, очевидно все поняв, согласно кивнул. Трое мужчин поднялись и вышли, оставив чашки на столе. Вейдеманис шел первым. Выйдя во двор, он оглянулся по сторонам и кивнул Дронго, после чего вышли и эксперт с Штаркманом.

– Эти связи группы с турецкими бизнесменами, – заговорил Дронго, – вы их уточнили?

– Сейчас проверяем. Но уже точно установили, что через издательство, куда он якобы ездил по служебным делам, передавали деньги и оружие.

– Тогда почему не передали эти сведения российской или турецкой стороне?

– Мы передали их в наши службы, – пояснил Штаркман, – они должны действовать по своему усмотрению.

– Вернемся обратно, – предложил Дронго.

– Вы боитесь, что вас все-таки прослушивают, – догадался гость.

– Я боюсь, что нам просто не разрешат вообще здесь оставаться. Ни вам, ни мне, – ответил Дронго. – И еще последний вопрос: а сколько времени вы собираетесь здесь оставаться?

– Столько, сколько нужно. Я буду вашим связным.

– Тогда учтите, что телефоны могут прослушиваться, поэтому ничего важного не сообщать. Вам будут передавать мои письменные сообщения, просовывая их под дверь вашего номера. В случае необходимости звоните трижды подряд по номеру телефона, который я вам оставлю, и тогда встретитесь с Кружковым. Он будет обедать в ресторане вашего отеля.

– Понял, – кивнул Штаркман.

Они вернулись в дом, и Дронго нарочито громким голосом произнес:

– И учтите, что мы прежде всего должны будем встретиться со следователем, который проводил это расследование, в первую очередь переговорить со следователем по особо важным делам Глебом Юрьевичем Поляковым, а уже потом наметить более конкретный план.

– Он отказался разговаривать с Блехерманом, – напомнил Штаркман. – До вынесения приговора он дважды встречался с господином Блехерманом. Один раз – когда пригласил его на опознание тела дочери, и второй – перед оглашением приговора. Но после решения суда они больше не встречались.

– Тогда нам придется быть очень убедительными, чтобы он нас принял, – заключил Дронго.

Через два часа, когда они уже возвращались, он все время молчал. Вейдеманис, сидевший за рулем, тоже ни о чем его не спрашивал. Только когда они наконец доехали и вышли из автомобиля, он осторожно спросил своего напарника:

– Ты думаешь, что нас подслушивают?

– А как ты считаешь? Вчера в одном из самых известных отелей города мы встречались с братом шефа АМАН и человеком, который уже два года приезжает сюда, пытаясь найти возможные нити к поискам убийц своей дочери. Приезжает в сопровождении бывшего сотрудника войсковой разведки. И никто не обращает на это внимания? Так не бывает. Я почти уверен, что вчера за нами в отеле было установлено наблюдение. А сегодня утром Леонид Кружков сообщил мне, что соседи по дому жаловались на ночной шум у нас за стеной. Это были технические специалисты, устанавливавшие свою аппаратуру. Мы «под колпаком», как обычно говорят в таких случаях.

– Тогда зачем ты предложил выйти Штаркману из комнаты? Наши наблюдатели поймут, что ты сумел их вычислить.

– Принцип дзюдо, – улыбнулся Дронго, – падая, обрати свое падение себе на пользу и толкни своего соперника. Я сделал сегодня примерно то же самое. Посмотрим, чем все это закончится.

Интерлюдия

Вечером Богдановский принял полковника.

– Состоялась встреча этой парочки со Штаркманом? – сразу поинтересовался он.

– Сегодня утром, – доложил Савченко, – они разговаривали довольно долго. Но самое неприятное, что Дронго всю ночь читал их сообщения и файлы. А потом приказал все стереть и уничтожить флешку. Что они и сделали.

– А копия осталась в израильском посольстве, откуда мы при всем нашем желании не сможем ее достать, – подвел неутешительный итог генерал.

– Они достаточно долго говорили, и мы смогли все записать, – сообщил полковник. – Мы считаем, что в Министерстве юстиции или в Федеральном ведомстве по надзору за исправительными учреждениями есть серьезная утечка информации. Израильцы смогли точно установить, где именно отбывают наказание Шовдыгов и Захохов. Я думаю, что нужно назначить специальную проверку по этому факту.

– Мы как раз готовились к подобной утечке, – напомнил Богдановский, – понимали, что будет сложно. Обязательно проверьте, откуда идет утечка информации, но информатора не трогайте. Может, он нам еще понадобится, чтобы передать нужную информацию.

– Они выяснили не только места колоний, куда отправлены осужденные по приговорам суда, но и где находятся их родные и близкие. Узнали про переехавшую семью Захохова, про сестру Шовдыгова, вернувшуюся из Австрии, про его первую супругу. Все подробности...

– ...сохранность которых в тайне мы не смогли обеспечить, – строго заметил Богдановский. – Но пока это не так опасно. Во всяком случае, мы были готовы и к такому развитию событий. Разговор, конечно, записали?

– Мы взяли в аренду на два месяца соседнее помещение и успели установить нашу аппаратуру, поэтому весь разговор гостя с этими экспертами был записан и сейчас изучается аналитиками.

– Значит, успели. Все, оказывается, не так уж и плохо.

– Штаркман предлагает экспертам найти возможность и отправиться в колонии к осужденным, – сообщил Савченко. – Возможно, это сознательная провокация. Он должен понимать, что это практически невозможно. Но они просят использовать свои старые связи.

– Что сказал Дронго?

– Он пообещал попытаться.

– У него есть такие друзья?

– У них с Вейдеманисом много друзей в Москве. Влиятельных друзей, Алексей Федорович. И мы не сможем помешать всем. И предупредить тоже не можем, чтобы не допускать утечки информации.

– Посмотрим, как они будут действовать. У вас все?

– Нет, – ответил Савченко таким голосом, что генерал насторожился:

– Что еще произошло?

– Во время разговора Дронго неожиданно предложил своему гостю выйти на небольшой перекур.

– Что в этом странного?

– Он никогда в жизни не курил. Мы это точно знаем.

– Так! Уже горячее. Что было дальше?

– Они вышли на несколько минут из помещения.

– И вы, конечно, не слышали, о чем именно они говорили.

– На улице не было никакой аппаратуры. Мы не думали, что Дронго захочет выйти на улицу. Возможно, он просчитал наши ходы и решил подстраховаться.

– А вы почему не решили? – зло уточнил генерал. – Неужели не понимали, с каким противником имеете дело? Я вас предупреждал, что он один из лучших специалистов-аналитиков в мире. Может, действительно сумел просчитать все наши ходы и решил просто показать нам наше место. Поверить в этот перекур невозможно. Он вас одурачил, полковник.

Савченко молчал. Он был согласен со своим руководителем и не знал, как отвечать в подобном случае. Дронго мог в разговоре со своим коллегой из Израиля сказать все, что угодно, и сделать это таким образом, чтобы его не могли услышать.

– Хватит самодеятельности! – резко заявил Богдановский. – Уже сейчас понятно, что вы не справитесь своими силами с этим аналитиком, он слишком опытный специалист. Нужен настоящий гений, чтобы выставить его против этого эксперта. Человек, который сумеет его разжевать и выплюнуть, для которого Дронго будет неуклюжим дилетантом на фоне большого мастера. И я знаю такого человека. Позвоните и срочно пригласите Семена Абрамовича Штеймана. Только он в этих условиях может нам помочь.

– Ему уже много лет, – напомнил несколько удивленный Савченко.

– Зато голова хорошо работает. Он преподавал психологию еще моему руководителю. А потом был и моим наставником. Я до сих пор помню его знаменитое выражение, что самая плохая привычка людей – это обычай умирать. Такой парадоксальный вывод он всегда делал. Штейман говорил, что нужно уметь анализировать каждое слово, каждый жест, каждую фразу. И при этом не доверять самому себе, чтобы в будущем не ошибиться.

– Я ему позвоню, – решил полковник.

– Нет, – возразил Богдановский, – я ему сам позвоню. Он обидится, если я его лично не попрошу, и может отказаться. Насколько я помню, ему уже за девяносто. В его возрасте люди становятся капризными и обидчивыми.

Савченко улыбнулся. Его тоже мучила мысль об этой двухминутной паузе, когда они не слышали переговоров Дронго с его гостем, поэтому он даже обрадовался, когда сам Богдановский предложил такой вариант. Штейман был самым опытным аналитиком в истории спецслужб, и его помощь могла пригодиться. Поздно вечером, когда Савченко ужинал на кухне, раздался телефонный звонок. Это был генерал Богдановский.

– Нам повезло, – сообщил он, – старик согласился. Теперь будем играть на равных.

Глава третья

В это утро Дронго сидел перед своим компьютером, просматривая материалы из газет и журналов, связанные со взрывом в Москве двухлетней давности. Событие было очень резонансным. В Германии с резкой критикой происшедшего выступила оппозиция, которая заявила, что взрыв был целенаправленно организован против немецкой группы. За месяц до этого правительство ввело жесткие ограничения против иммигрантов, посчитав, что это поможет получить новые голоса избирателей на выборах. А получилось все наоборот.

Он читал сообщения о суде и приговоре двум членам группы, оставшимся в живых. Было доказано, что организация взрыва и его финансирование осуществлялось через Джумшуда Шовдыгова, тогда как двое остальных – Ламиев и Захохов – были только сообщниками погибшего при взрыве смертника Хаджирова. Дронго обратил внимание на статью в «Комсомольской правде», где подробно рассказывалось о судьбах всех четверых членов группы. Шовдыгов воевал в Чечне, определившись туда контрактником еще во время второй Чеченской войны. У него было четверо братьев, живущих в Черкасске, и сестра, вернувшаяся в Москву. Захохов работал товароведом, Хаджиров окончил педагогическое училище и временно нигде не работал. Ламиев числился сотрудником строительного треста, работая там охранником и выходя на работу один раз через трое суток.

Дронго начал поиски семей через социальные сети и почти сразу обнаружил фотографии Левицкой, которые она охотно публиковала. Обнаружил там и фотографии племянника Шовдыгова, который уже женился. У старших братьев Шовдыгова было по четверо детей, у двоих младших – двое и трое соответственно. Сведений о Ламиеве и Захохове в социальных сетях он не нашел.

В полдень приехал Эдгар Вейдеманис. Увидев, как напряженно работает его напарник, он спросил:

– Я могу чем-то помочь?

– Можешь. Возьми свободный компьютер и садись за телефон. Обзвони всех наших знакомых и покопайся в Интернете. Найди все, что можно найти про следователя по особо важным делам Глеба Юрьевича Полякова.

– Лучше я позвоню нашим знакомым, – решил Вейдеманис, – наверняка его знают следователи и прокуроры.

– Только из другой комнаты, чтобы мы не мешали друг другу.

Дронго продолжал читать поступающую информацию. Через два часа он поинтересовался у Вейдеманиса:

– Есть какие-нибудь подробности?

– Нашел, – кивнул Эдгар, – он, оказывается, очень известная личность. Ему за пятьдесят, скоро должен выйти на пенсию. Все говорят, что он образцовый следователь, но не очень приятный человек. Педант, служака добросовестный и честный. Почти все дела сдает в срок. Звания получал досрочно. Имеет несколько наград и поощрений. В общем, очень хороший послужной список и очень сложный человек, с которым будет нелегко разговаривать.

– Такой педант и может быть хорошим следователем, – заметил Дронго. – Номер его телефона тебе дали?

– Можешь ему позвонить. – Вейдеманис набрал номер и протянул телефон своему другу.

– Добрый день, – сказал Дронго, услышав незнакомый мужской голос. – Простите, что я вас беспокою. С вами говорит эксперт Дронго, меня обычно так называют. Это Глеб Юрьевич Поляков?

– Да. Чем обязан?

– Я хотел бы с вами встретиться и поговорить.

– По какому вопросу?

– Меня интересует одно дело, которое вы вели два года назад. О взрыве в Петровском пассаже.

– Это дело закрыто, – сразу ответил следователь, – еще два года назад. Уже состоялся суд и вынесен приговор. Я не могу комментировать решение суда. Извините.

– Подождите, – попросил Дронго, понимая, что следователь больше не хочет с ним разговаривать, – у меня действительно важное дело.

– Я не даю комментариев по поводу завершенных дел. Получите разрешение на наше общение у моего руководства. Если они сочтут нужным, мы сможем встретиться. Вы, очевидно, журналист?

– Нет. Я же сказал, что я эксперт по вопросам преступности.

– Очень хорошо, но нам больше не о чем разговаривать.

– Неужели вы не понимаете, – начал злиться Дронго, – что речь идет о судьбе человека? О его жизни.

– О чем вы говорите? – не понял Поляков.

– Супруга Блехермана тяжело больна. После смерти дочери она тяжело заболела...

Поляков молчал.

– Вы слышите меня? Неужели вам так сложно со мной поговорить?

– Я не знаю, кто вы такой, – неожиданно очень жестко ответил Поляков, – поэтому прошу вас больше не звонить, – и тут же отключился.

– Что-то не так, – сказал Дронго, взглянув на Вейдеманиса. – Поляков не очень хотел разговаривать, но когда я сказал ему о больной жене Блехермана, он сразу изменился и, кажется, даже разозлился, будто я поступил не совсем корректно. Ты можешь уточнить семейное положение следователя?

– Конечно. Мой товарищ сейчас работает в Следственном комитете Москвы. Он хорошо знает Полякова. Я ему сейчас позвоню и все уточню.

Он действительно набрал номер, поговорил пару минут, затем несколько виновато посмотрел на Дронго:

– Ты, как обычно, прав. В прошлом году у него умерла жена. Но как ты это понял?

– Почувствовал, что ему неприятны мои слова. Словно я использовал недозволенную тему в разговоре и повел себя не совсем правильно.

– Попытайся снова выйти с ним на связь. Расскажи ему о супруге Блехермана. Можно на этом сыграть, как ты считаешь?

– Нет, – решительно ответил Дронго, – так нельзя. Он достаточно умный человек, чтобы понимать, как я пытаюсь вызвать сочувствие к Блехерману. Видимо, он так и подумал. Поэтому нужно извиниться. – Он перезвонил Полякову и с ходу начал: – Только не отключайтесь, я позвонил, чтобы извиниться. Я не знал про вашу супругу и не хотел вас разжалобить. Просто так получилось. Извините, что я невольно причинил вам боль. Это не нарочно. До свидания...

– Подождите, – неожиданно проговорил следователь, – как, вы сказали, вас зовут? Дронго? Я, кажется, слышал об этом необычном имени. Вспомнил, что вы работали с группой Резунова, когда искали этого сексуального маньяка. Вениамина Баратова, который оказался директором института. Это были вы?

– Я, – просто ответил Дронго.

– Понятно. Давайте сделаем так. Приезжайте ко мне через два часа. Я закажу для вас пропуск, только назовите мне ваше настоящее имя, я же не могу заказывать пропуск на имя Дронго.

– Иногда быть просто порядочным человеком гораздо выгоднее, чем пытаться обмануть или словчить. Жаль, что многие люди этого не понимают, – отключившись, улыбнулся эксперт.

– Поедешь на встречу? – понял Эдгар.

– Обязательно.

Через два часа Дронго уже сидел в небольшом кабинете следователя Полякова. Глеб Юрьевич внешне также соответствовал своему имиджу. Немного потертый пиджак, редкие седые волосы, чуть покатый череп, глубоко посаженные глаза в очках, резкие складки на щеках, выпирающий подбородок. Он пожал руку гостю, показывая на стул у приставного столика рядом с ним.

– Вы хотели поговорить о деле дочери Меира Блехермана, – напомнил следователь, – но там все давно решено и закрыто. Все участники группы либо погибли, либо получили большие сроки.

– Вы не пытались выйти на связи Шовдыгова? Он ведь проходил как организатор?

– Конечно пытались. Даже послали в Турцию нашего следователя Нигматулина, который владеет турецким языком. Там были какие-то связи, но мы передали все наработки в Федеральную службу безопасности. Мне тогда приказали как можно быстрее завершить дело и сдать его в суд. Вы должны понимать. Взрыв убил сразу нескольких иностранцев: граждан Германии, Южной Кореи, Израиля. Все требовали срочного раскрытия преступления и наказания виновных. А я не люблю, когда меня подгоняют, это всегда сказывается на качестве расследования. Но мы смогли достаточно быстро выйти на сообщников и организаторов преступления. Можно было и быстрее, но наши спецслужбы просили нас не торопиться, чтобы выявить всех участников преступной группы. Террористы были схвачены и избиты. И я не понимаю, почему сейчас Блехерман пытается что-то найти. Оба оставшихся в живых террориста сидят в колониях и не скоро оттуда выйдут.

– Ему кажется, что можно было более подробно исследовать возможные связи организатора с зарубежными центрами.

– Связи, конечно, были, но мы такими проблемами не занимаемся. Наша задача – найти всех участников группы, выявить их и передать суду, а зарубежными связями наших доморощенных террористов должны заниматься другие спецслужбы.

– И вы точно установили, что погибший смертник был связан именно с этой группой?

– Там даже не требовалось особых доказательств. К Петровскому пассажиру его привез на своем автомобиле Шамаил Захохов. Напротив пассажира Центральный банк, и машина попала в объективы камер наблюдения. Захохов проходил как сообщник. Он говорил, что не знал, зачем они туда поехали. Лгал, конечно. Но мы нашли детали «пояса смертника» в его гараже, и на них были отпечатки пальцев Захохова. А взрывчатку и все необходимые детали привозил Ламиев. Он оказал сопротивление при задержании и был застрелен. Хаджиров погиб в результате самоподрыва. Двух других мы задержали, и суд вынес им достаточно суровые приговоры. Хотя прокурор требовал пожизненного для Шовдыгова и двадцать лет для Захохова, судьи решили несколько изменить наказание. Правда, двадцать два года в колонии особого режима – это более чем много. Не думаю, что Шовдыгов когда-нибудь сможет вернуться к нормальной жизни. И вообще вернуться из колонии особого режима. Оттуда не возвращаются.

– А их семьи?

– У Шовдыгова была жена, с которой он развелся. Ужасная женщина! Бывшая актриса. Достаточно было немного пообщаться с ней, чтобы пожалеть ее бывшего мужа. Она винила его во всем. Он даже записался ради нее в Чечню на контрактной основе, так она донимала его отсутствием денег в семье. Есть такие жены, которые могут разрушить жизнь любого мужчины.

– Надеюсь, он стал террористом не под влиянием своей жены?

– Нет. К этому времени они были уже давно разведены.

– А другие семьи?

– У Хаджирова не было никого. Правда, мы нашли женщину, с которой он встречался, но она даже не подозревала, чем именно он занимался. Семья Захохова переехала из Москвы куда-то на Северный Кавказ. Кажется, им помогал брат жены Захохова. У него было двое несо-

вершеннолетних детей, и судья дал ему четырнадцать лет вместо двадцати, как просил прокурор. А у Ламиева осталась в Москве семья старшего брата. Я с ним разговаривал, и он очень переживал за погибшего, уверял, что его нарочно застрелили.

– Вы считаете, что других членов группы не могло быть?

– У них были большие связи за рубежом и на Северном Кавказе. Но в данном случае отвечали за это преступление именно эти четверо.

– Хаджиров вошел в пассаж и взорвал себя в тот момент, когда там было много иностранцев. Это случилось буквально за полторы-две недели до парламентских выборов в Германии, которые правящая коалиция проиграла. Вам не кажется, что такое совпадение достаточно подозрительно?

– Мы обратили на это внимание. Возможно, Хаджиров получал непосредственные указания о месте и времени взрыва. Захохов, которого мы допрашивали, все отрицал, но такую связь исключить невозможно. Хотя со смертью дочери Блехермана это никак не связано. Просто трагический случай. Она оказалась там совершенно случайно. Водитель, который их вез, дал показания, что они должны были выйти из пассажа через несколько минут. Просто трагическое совпадение.

– Я хочу задать вам несколько необычный вопрос. Вы знали, что дядя погибшей девушки возглавляет армейскую разведку Израиля, службу АМАН?

– В тот момент не знали, но потом я узнал. Израильтяне проявляли повышенную активность, особенно их посольство. Позже мне сообщили, что брат Меира Блехермана занимает такой большой пост.

– Может быть, это преступление связано именно с ним? Кто-то пытался отомстить семье Блехермана и поэтому было принято решение убить его племянницу? Я спрашиваю в качестве невероятной, но возможной гипотезы.

– Она там оказалась случайно, – снова повторил следователь. – Нет, это слишком невероятная теория. Зачем устраивать такой взрыв, убивая остальных людей, когда нужно убить только одного человека? По-моему, это просто нерационально.

– «Лист зелени прячут в лесу», – напомнил Дронго. – Может, само преступление было организовано с целью убийства Даны Блехерман, а остальные погибшие были лишь сопутствующие жертвы. Вы так не считаете? Террористы никогда не жалели человеческие жизни для достижения своих целей.

– Нет, не считаю, – решительно произнес Поляков, – их целью была скорее немецкая группа. Увидели группу иностранцев и решили устроить взрыв именно там, чтобы сработал эффект страха. И, конечно, пропагандистский эффект тоже никто не отменял.

– Спасибо за то, что согласились со мной встретиться, – сказал на прощание Дронго, поднимаясь со стула. – Можно задать вам последний вопрос?

– Конечно.

– Как попасть в колонии, где находятся осужденные Шовдыгов и Захохов? Чье разрешение на это потребуется?

– Только не мое, – ответил Поляков. – Я думаю, нашего руководителя Следственного комитета России, и то сомневаюсь. Или же министра юстиции страны, если он сможет подписать такое разрешение. Но вас туда пропустят лишь в самом исключительном случае.

– Может, тогда взять разрешение у президента? – пошутил Дронго.

– Он не сможет разрешить, – не понял юмора следователь. – Скорее премьер-министр, как глава исполнительной власти страны. Но лучше – министр юстиции или глава Федерального ведомства по исправительным учреждениям.

– То есть никто, – подвел неутешительный итог Дронго. – Спасибо вам за беседу. До свидания!

Спустившись вниз и выходя из здания, он сразу обратил внимание на автомобиль, стоявший на другой стороне улицы, в котором сидели двое незнакомых мужчин. Когда он приехал к Полякову, эта машина стояла на том же месте. Дронго обычно не водил машину, чтобы не отвлекаться на езду и спокойно сосредотачиваться на своих размышлениях. Он сел в свою машину и попросил водителя отвезти его домой. По дороге ему позвонил Вейдеманис:

– Поговорил с Поляковым?

– Да. И нам нужно начать встречаться с родственниками осужденных. Прямо сегодня нужно, так что я еду в Измайлово.

– Что мне делать?

– Найди институт, где работает сестра Шовдыгова, и попроси ее о встрече на завтра утром. Скажи, что с ней хочет переговорить адвокат, который занимается имущественными проблемами осужденных, чтобы она согласилась. Постарайся ее убедить.

– Постараюсь, – пообещал Эдгар.

Дронго посмотрел на свой телефон и убрал его в карман. Он уже не сомневался, что и этот разговор слышат те, кто должен был их услышать.

Глава четвертая

Машина подъехала к многоэтажному дому. Дронго вышел из салона, оглядываясь по сторонам, затем наклонился к водителю:

– Ты уверен, что мы приехали правильно?

– Это тот адрес, который вы назвали, – ответил водитель.

Дронго подошел к дому и поднял голову. Двадцатичетырехэтажное здание. Типовое, каких было много в этой части города. Если адрес верный, то на восемнадцатом этаже этого дома в трехкомнатной квартире живет семья брата Исмаила Ламиева – Исса Ламиева, который трудился в том самом строительном тресте, где работал и его брат. Войдя в подъезд, Дронго увидел объявление, предупреждавшее жильцов дома, что одна кабина лифта будет закрыта на профилактику. Вторая находилась где-то наверху, и он подумал, что это даже неплохо: можно пешком подняться на восемнадцатый этаж вместо обычной зарядки, и, не раздумывая, направился к лестнице. Поднявшись на восемнадцатый этаж, позвонил в дверь. Сразу послышались детские голоса, и дверь открылась. На пороге стоял невысокий черноволосый молодой мужчина в спортивном костюме.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Дронго. – Извините, что беспокою. Это квартира Ламиевых?

– Да, – кивнул молодой человек.

– Вы – Исса Ламиев?

– Верно. Что вам нужно?

– Простите, что я вас беспокою. Я адвокат и представляю интересы семьи Шамаила Захова. Мне нужно срочно с вами переговорить.

– Я ничего не знаю, – сразу нахмурился Исса.

– Кто это пришел? – крикнула из комнаты его жена.

– Это ко мне, – ответил Ламиев. И, уже обращаясь к Дронго, добавил: – Нам не о чем разговаривать. Я вообще не хочу говорить на эту тему. Мой брат погиб два года назад, и нам тяжело об этом вспоминать.

– Это касается и вашего брата, и вашей семьи, – пояснил Дронго, видя, как упрямо сжимает губы хозяин квартиры.

– При чем тут моя семья? – мрачно спросил Исса.

– Кто это? – снова закричала его супруга.

– Ошиблись, – ответил Ламиев, – не туда попали. – Он вышел из квартиры, плотно прикрыв за собой дверь и недовольно спросил: – Что вам нужно? Зачем вы сюда пришли? Какое отношение к тому делу имеет моя семья? Прошло столько времени, а вы никак не хотите оставить нас в покое!

– Дело в том, что, согласно российскому законодательству, вашему погибшему брату может быть предъявлен имущественный иск, – пояснил Дронго. – А так как вы его прямой родственник, то, боюсь, по этому иску отвечать придется вам. Там ведь погибло много людей, и иск их родственников ко всем четверым членам группы может быть на большую сумму. Или к их наследникам и родственникам.

Ламиев нахмурился. Он считал, что вся эта кровавая история давно забыта.

– Что я должен сделать?

– Просто поговорить со мной, чтобы я мог составить грамотное объяснение, по которому вы не будете отвечать по этому иску. – Дронго блефовал, чтобы переговорить с братом погибшего.

Ламиев понял, что у него могут потребовать деньги за преступления его брата, и такой вариант развития событий ему явно не понравился.

– Давайте войдем в квартиру, – предложил он, снова открывая дверь.

Им навстречу выбежали трое детей. Все трое были мальчики, младшему – года полтора. Двое других были постарше. Ламиев провел гостей в столовую и пригласил сесть за стол.

– Идите играть в другую комнату, – строго приказал он детям, – и заберите маленького.

Те послушно вышли, а в комнату вошла молодая женщина, одетая в цветную юбку и темную блузку. Увидев незнакомца, она испуганно обратилась к мужу:

– Что случилось, Исса? Почему опять к нам пришли?

– Это адвокат семьи Шамаила Захохова, – пояснил муж. – Он хочет нам помочь, чтобы мы не платили деньги за Исмаила.

– Как ты можешь такое говорить! – всплеснула она руками. – Мы еще должны платить деньги за твоего брата? Ты сошел с ума! Его убили два года назад!

– Не кричи! Адвокат пришел, чтобы нам помочь.

– Чем он может нам помочь? Сначала они убили твоего брата, а теперь хотят, чтобы мы еще и заплатили за его убийство? Почему ты вообще пустил этого человека?!

– Мне кажется, вы не совсем понимаете, что происходит, – решил вмешаться Дронго. – Дело в том, что семьи погибших немцев хотят подать в суд. Не на вас, а на Исмаила, который убил их родственников.

– И при чем тут мы? – не унималась женщина.

– Я пришел сюда, чтобы разобраться, – попытался он успокоить разбушевавшуюся хозяйку. – Давайте не будем нервничать. Никто пока в суд не подал. И вы всегда можете доказать, что у вас были разные семьи.

– Он только жил у нас. Не нужно было вообще пускать к нам этого наркомана, который мог испортить наших детей. Я всегда говорила, что он...

– Хватит, женщина! – грозно произнес Исса. – Не нужно больше ничего говорить!

Она обиженно прикусила губу, но замолчала.

– Его арестовали у вас в квартире? – уточнил Дронго.

– Да. Приехали сюда и арестовали. Но мы ничего не знали о том, чем он занимается. Он два раза ездил в Турцию, и мы думали, что он ездит туда со своим другом помогать ему доставлять оттуда товары. Он нам так и говорил. А оказывается, занимался такими недостойными делами!

– Вы не знали его знакомых и друзей?

– Откуда нам знать? – ответил Исса. – Он уходил на весь день, да и я все время работал.

– Исса устроил этого типа к себе в строительный трест, – не удержавшись, вставила супруга, – а он вместо благодарности так его подвел...

– У него было с собой оружие? Он держал его дома?

– Никакого оружия не было, – ответил Ламиев, – он не держал оружия в доме.

– Насколько я знаю, было официальное сообщение, что он оказал вооруженное сопротивление при аресте и поэтому его пристрелили.

– Все это вранье! – разозлился Исса. – Дома были двое его племянников и моя беременная жена. Даже если у него было бы с собой оружие, он бы никогда не посмел его применить. Он не мог стрелять в квартире, где были мои дети и жена.

– Тогда почему прошло сообщение о его вооруженном сопротивлении?

– Это неправда, – закричал Исса, – и мы об этом говорили! Но нам посоветовали молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.